

П Е С Н И

Юрий ГРИБОВ

лась. Слушали ее раненые охотно, аплодировали, подолгу не отпущали от себя, и Людмила понимала песня — это не шутка и действует она на людей неотразимо, если относиться к ней серьезно.

Но серьезности-то ей как раз и не хватало. Она пела все подряд, не заботясь о выборе, о мастерстве. Фронтная, как фронтная, старинная, как старинная. Что же делать, коли просят? Но и эти песни, и эта ее природная, еще не отшлифованная хватка уже действовали на людей сильно, и не раз благодарили ее со слезами.

— Милая, спасибо тебе... Спой опять «Что во поле пыльно». Спой, очень просим...

Однажды, уже после войны, пошла Зыкина с подружками в кино. И, гуляя перед сеансом, увидели они большую афишу, извещающую о начале второго тура конкурса певцов в хор имени Пятницкого.

— Иди, Люська, пусть тебя знаменитости послушают, — упрощивали подруги. — Боишься? Слабо? Иди скорее, грустна, шесть порций мороженого получишь...

И она пошла шесть порций мороженого все-таки. Открыла дверь, поздоровалась робко и сказала, что вот, мол, как и так, спеть хочет, зовут Люда, семнадцать лет скоро, на заводе работала, а теперь швея.

— Ну что ж, Люда, пой.

— А чего?

— А чего хочешь.

Она вздохнула, убрала за рукав платочек и запела: «Уж ты сад ты мой сад». Ее попросили повторить эту песню в разных тональностях и сказали затем, когда она все выполнила, чтобы далеко не уходила.

После кино она узнала, прошла на третий тур. Ела купленное подружками мороженое и думала: говорить ли об этом матери? Обрадовалась она мать только в день последнего конкурса, когда из четырех тысяч претендентов взяли в хор четверых, в том числе и ее.

— Мама, я теперь артистка! — закричала она, не успев переступить порог.

— Знаю, что ты у меня артистка... Вон каблучки-то как пилыл спилила...

— Да ей-богу же, мама! В хор меня приняли! В хор имени Пятницкого!

АЛАНТ — ЭТО ТРУД, постоянный, упорный. Одаренность сама по себе, если надеяться лишь на этот «божий дар», успеха не принесет. Одаренность — это всего-навсего указатель к победам, тоненький лучик, который надо разжечь в яркое пламя.

Такой примерно беседой встретили Зыкину

«отцы» хора Владимир Григорьевич Захаров и Петр Михайлович Казьмин. Эти люди да еще Николай Васильевич Кутузов, художественный руководитель хора русской народной песни Всесоюзного радио и телевидения, где потом тоже работала Людмила Георгиевна, помог девушке стать певицей. Хоровая школа была для нее очень полезной. Там она поняла, что исполнительница русских песен должна не просто петь, а уметь еще рассказывать песней то, что чувствует.

Но понять — это еще полдела. Надо спеть так, чтобы твоё настроение передавалось другим, чтобы душа песни была раскрыта, подана, как говорится, на ладони. Зыкина училась, приглядывалась к другим. Ей нравился низкий по тембру голос Колодиной, мягкость звучания Прокошиной, особая задумчивость Подлатовой. Она слушала их жадно, старалась понять, откуда берутся такие тона и краски. Она завидовала, как эти артистки стоят в своем ряду, как запевают, ходят по сцене, одеваются. Она часто ловила себя на том, что где-то в трамвае или в магазине, вдруг забывшись, начинала потихонечку напевать, подражая старшим коллегам.

Подражание ее было замечено в хоре. Ей напомнили, что научиться копировать — это не столь уж хитрое дело. Надо свою манеру создавать, свой голос выковывать. И еще наметили ей: поют не только голосом, но и... сердцем. Песню надо выстрадать, родить в муках, тогда она свободно и легко полетится...

Николай Васильевич Кутузов, разгадав возможность Зыкиной, стал придирчиво следить за ее манерой, не разрешал петь громко, давал ей песни протяжные, лирические, и чтобы исполняла она их без сопровождения. Зыкина пыталась вначале протестовать, ссылаясь на то, что руководитель, мол, суживает ее диапазон, что она может выступать и в другом плане. Но потом поняла, насколько прав был Кутузов, и была ему благодарна. Запрещение петь громко определило тембровую окраску ее голоса. Песни без сопровождения отработывали чистоту звучания.

Хорошо у нее дело пошло, охотно набирала она силу, но тут случилось несчастье: заболела, и пропал голос. Казалось, навсегда.

Уехала она в Подольск, вступила работать в типографию. Мучилась, тосковала, но надеялась. Много читала в это время, слушала знаменитых певцов, думала о их судьбе и творчестве, вела занятия в кружке художественной самодеятельности.

А через год вновь ожил ее голос, зазвучал, как и прежде. Кутузов вернул Зыкину к себе в хор, стал поручать ей потом, после упорных

тренировок, сольные запевы. И она, почувствовав себя в родной стихии, обрела крылья, успешно выступила во «внутреннем» конкурсе с тремя песнями: «Что во поле пыльно», «Во лесочке комарочков много уродилось», «Ах долга ты, ночь».

Много и самозабвенно работала Людмила Георгиевна. Чтобы не докучать соседям, которые и рано утром, и поздно вечером слышали через коммунальную стенку ее «арии», она уезжала куда-нибудь подальше, в лес, на реку, и пела там, вспоминала бабу Ваську и свою добрую голосистую мать. Их уже не было в живых, ее любимых наставниц, но песни их звучали и радовали людей.

Труд брал свое. Зыкина приучила себя все делать только хорошо, на совесть. Поэтому никто особенно и не удивился, когда она в шестидесятом году на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады получила вторую премию и право на сольные выступления в концертах.

Вот с того времени, собственно, и «началась» Зыкина для массового слушателя. Стали появляться афиши с ее именем. Она пела в театрах, в клубах, по радио, по телевидению. Ее уже узнавали, шутливо повторяли только что пропетое ею:

— На побывку едет молодой моряк...

«На побывку едет» — это слова из стихотворения Виктора Бокова. С Боковым Людмила Георгиевна познакомилась на радио. Они подружились, потому что в их творчестве много общего. Боковская лирика созвучна лирике Зыкинской. Людмила Георгиевна исполняет много песен на слова Бокова: «Оренбургский пуховый платок», «Очи карие — опасность», «Травушка примятая», «Ой снег, снежок»... Иногда они вместе выступают в концертах. Певицу и поэта тепло принимают зрители.

РУК КОМПОЗИТОРОВ И ПОЭТОВ, с которыми работает Зыкина, с каждым годом расширяется. Дают «паспорт» ее песням такие мастера музыки, как В. Пономаренко, А. Новиков, А. Пахмутова, М. Фрадкин, В. Левашов, Н. Поликарпов, Н. Кутузов, А. Аверкин...

Не каждая песня быстро обретает жизнь. Иной раз взмахнет она крыльями и тут же сядет. Не держат ее «плоскости», лишний груз мешает. А где он? В чем?

Вот и начинаются поиски вместе с композитором и поэтом. Подолгу другой раз ищут они верный «ключик». Зыкина ни за что не выйдет с песней, если не поймет ее духа и образа.

Но и это еще не все. Песню должны «раскрасить» также и те, кто будет аккомпанировать. Иначе не полетит она. Только при полном слиянии голоса и сопровождения достигается эффект, радующий слушателя. Так что после занятий с композитором и поэтом начинается еще более кропотливая, иной раз со спорами работа с Шалаевым и Крыловым, опытными, умными баянистами, ее постоянными спутниками.

И вот уже, когда все готово, сто раз повторено и взвешено, несет Людмила Зыкина песню народу. На поездах, на самолетах, пешком, в бездорожьях, на лодке добирается она к своим слушателям. Нет, кажется, у нас в стране уголка, где бы она не побывала! Магадан, Норильск, Дальний Восток, Тикси, Игарка, Диксон, Северный полюс, Кавказ... И сколько хороших друзей появляется после каждой поездки! Какое это великое счастье видеть их глаза, полные благодарности за песню!

На Северном полюсе Людмила Георгиевна выступала в тесном низком кубрике, и, когда запела «Ивушка», все эти бородачи, потемневшие от мороза славные полярники, не сговариваясь, подтянули ей. Так же случилось и в Париже, в цехе завода «Рено», где она исполняла популярную огневую «Калинку». Русская песня была близка французам, она их трогала, радовала.

На Дальнем Востоке рабочий рыбного промысла Саша Чернов подарил ей свою песню о камчатской земле. Людмила Георгиевна исполнила ее по телевидению. Гастрольные поездки нередко удачно исполняют ее репертуар. Местные композиторы и поэты, зная зыкинский «компас», предлагают ей свои произведения.

И где бы ни находилась Людмила Георгиевна — дома ли, в дороге, на отдыхе, — она всегда работает над песней, шлифует ее, ищет новые ходы, непознанные интонации, краски. Как-то в Индии, проявлявшись музыкальной стихией другого народа, она решила несколько изменить концовку песни «Восемнадцать лет», исполнить ее в замедленном темпе. И успех был прямо-таки громадный. Новый ритмический рисунок концовки подчеркнул лиризм, обогатил песню, наполнил ее свежестью. Так она и звучит теперь и, возможно, через какое-то время пополнится еще и другими оттенками.

К полувековому юбилею Октября Людмила Георгиевна подготовила новую обширную программу «Тебе, женщина». В нее входит двадцать песен. Своим чарующим голосом актриса как бы пересказала весь путь, всю судьбу русской женщины, начиная от старого беспартия до сегодняшних свободных дней. Перед зрителем появлялась то крестьянка, плачущая в горе, то революционерка, то боевая комсомолка двадцатых годов, труженица, боец, создательница... Она включала в свою программу «Ариозо матери» из канцаты Анатолия Новикова «Нам нужен мир», которая до этого вхо-

дила только в репертуар певиц академического плана.

В гладком черном платье, в черном платке вышла Зыкина к зрителям, и, когда мощно зазвучал ее голос, все увидели образ скорбящей матери-Родины, трагический и величественный одновременно, увидели колонны солдат, скромные обелиски по обочинам, уставшие глаза детей... Нам нужен мир... И мир будет... Прочная вера наполняла людей.

ЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ мне захотелось еще раз встретиться с Людмилой Зыкиной, узнать о ее планах. Звоню раз, другой, третий — молчит телефон. И не удивительно, она же редко бывает дома. Шесть месяцев этого года провела только за границей, не считая гастролей по своей стране. Она, как солдат, легка на подъем. Люди ждут — надо ехать...

Наконец дозвонился, еду на Котельническую набережную, вхожу в квартиру. Сидит Людмила Георгиевна за столиком, разбирает ноты. Тексты песен и ноты всюду: на пианино, на шкафчике, на подоконнике. И еще книги, учебники. Зыкина учится. Учитесь постоянно. Нельзя актеру без учебы.

Много получает Людмила Георгиевна писем. Пишут ей из разных городов и селений, благодарят за душевные песни, спрашивают, как стать артисткой. Просят совета. И, бывая в поездках, она нередко заходит в кружки художественной самодеятельности, встречается с теми, кто ей писал, слушает их пение и радуется сердечно, если обнаружит вдруг на какой-то заводской или колхозной сцене проблески таланта.

Вернется домой с гастролем — люди идут. Она же депутат райсовета, а разных запросов у избирателей немало. Да и коллегам надо помочь. Ведь и ей когда-то помогали.

Какие планы на будущее? О, планов много. Вчера на радостях была, будет записывать цикл старинных песен. Не дают эти песни ей покоя, бередают сердца. Ведь столько красоты и обаяния в народной песне!

Вот праздник русской зимы начался. Просят выступить. Для кино надо поработать. Людмила Георгиевна берет лист и, поднимаясь со стула, говорит улыбаясь:

— Вот привычка — не могу петь сидя. Песня дисциплины требует, подтянутости...

Она подходит к пианино и начинает тихо напевать о дальней зимней дороге, о широких просторах, о девушке-телеграфистке, о любви и преданности...

Вот оно, рождение песни. Вот ее последняя инстанция. Выйдет Людмила Зыкина в один из вечеров на подмостки гулко го зала, запоет, преобразаясь, и отзовется песня в людских сердцах и пойдет гулять по просторам и эфирам страны.